

ПУШКИНЪ.

Сто лѣтъ минуло со дня рожденія величайшаго русскаго поэта, шестьдесятъ два года прошло со дня его безвременной, трагической кончины. За этотъ долгій періодъ времени въ нашей литературѣ высказано было о Пушкинѣ, именно какъ о поэтѣ, столько самыхъ разнообразныхъ сужденій, что теперь къ его характеристикѣ въ этомъ отношеніи едва ли уже можно прибавить что-нибудь существенно новое: эстетическіе вопросы, возбужденные его дѣятельностью и такъ или иначе съ нею связанные, болѣе или менѣе уже исчерпаны. Но для историка литературы, при анализѣ писателя,— а тѣмъ болѣе писателя первой величины, какимъ былъ Пушкинъ, представляется, наряду съ выясненіемъ его художественныхъ качествъ, еще другая, очень важная задача: указать живую связь литературнаго дѣятеля съ его современностью, съ окружавшими его людьми, съ состояніемъ литературы и общества въ его время; опредѣлить его роль и значеніе, какъ дѣятеля общественнаго; показать, какъ самъ онъ смотрѣлъ на литературу, въ чемъ видѣлъ ея обязанности, какія ставилъ ей требованія; словомъ, представить писателя не какъ отвлеченную величину, а какъ органической продуктъ даннаго общества и данной эпохи. Только такое изученіе можетъ привести къ правильному уразумѣнію заслугъ писателя передъ его современниками и потомствомъ и къ вѣрному опредѣленію мѣста, какое долженъ онъ занимать въ исторіи литературы и общественнаго развитія своей страны. Въ этомъ именно отношеніи оцѣнка Пушкина представляется намъ далеко еще не законченной, а потому, можетъ быть, нелишнею будетъ теперь, среди напоминой о Пушкинѣ, вызванныхъ его юбилеемъ, попытка взглянуть на поэта, какъ на живого человѣка въ кругу современныхъ ему живыхъ людей*).

До сравнительно недавняго времени наша критика разсматривала дѣятельность Пушкина почти исключительно съ художественной стороны, обращая мало вниманія на его отношеніе, какъ литератора,

*) Первая половина настоящей статьи, подъ заглавіемъ: «Пушкинъ въ русской литературѣ», напечатана была въ №№ 1 и 2 журнала «Дѣло», 1887 г., вслѣдъ за тѣмъ прекратившагося; теперь она является въ переработанномъ и дополненномъ видѣ.

къ современной ему жизни. Эта односторонность анализа находить себѣ объясненіе какъ въ общихъ условіяхъ нашей литературы, такъ и въ той особенной судьбѣ, какая выпала на долю произведеній поэта. Первый изъ нашихъ критиковъ, задавшійся цѣлью подробно прослѣдить литературную дѣятельность Пушкиана, Бѣлинскій не имѣлъ возможности говорить о ней иначе, какъ съ точки зрѣнія чистой поэзіи, чистаго искусства, и высказалъ даже такое мнѣніе, что Пушкинъ, по самой натурѣ своей, и не могъ быть ничѣмъ инымъ, какъ великимъ мастеромъ художественнаго русскаго слова, учителемъ изящнаго. Впрочемъ, критикъ тутъ же прибавляетъ, что къ особеннымъ свойствамъ пушкинской поэзіи принадлежитъ ея способность развивать въ людяхъ не только чувство изящнаго, но и чувство *гуманности*,—разумѣя подъ этимъ словомъ безконечное уваженіе къ человѣческому достоинству. «Придетъ время, говорить онъ, когда Пушкинъ будетъ въ Россіи поэтомъ классическимъ, по твореніямъ котораго будутъ образовываться не только эстетическое, но и *нравственное* чувство».

Въ этихъ послѣднихъ словахъ лишь въ видѣ слабого намека указано то высокое значеніе, какое имѣетъ Пушкинъ въ исторіи не только нашей поэзіи, но и нашего общественнаго развитія. Признаніе его воспитателемъ эстетическаго и нравственнаго (хотя прежде всего эстетическаго) чувства въ русскомъ обществѣ, художественнымъ выразителемъ русскаго духа,—легло въ основу дальнѣйшихъ сужденій о немъ нашей критики. Слова Бѣлинскаго стали, такъ сказать, ходячей монетой и повторялись, съ незначительными варіаціями, всякій разъ, когда заходила рѣчь о значеніи Пушкина въ русской литературѣ. Можно было бы указать цѣлый рядъ статей, которыя, въ сущности, представляютъ только распространеніе мыслей знаменитаго критика, и притомъ распространеніе именно въ сторону эстетическую, между тѣмъ какъ другая сторона—нравственная и общественная—все больше и больше оставалась въ тѣни. Произведенія чистаго искусства, какъ извѣстно, могутъ быть разсматриваемы совершенно отвлеченно, внѣ всякихъ условій мѣста и времени, потому что это—произведенія вѣчныя и общечеловѣческія; съ такой отвлеченной точки зрѣнія, чисто художественной и вовсе не исторической, и смотрѣла на дѣятельность Пушкина наша критика 50-хъ и 60-хъ годовъ. Даже писатели, безусловно и восторженно поклонявшіеся Пушкину, видѣли въ немъ только великаго художника. Такое поклоненіе поэту, какъ жрецу чистаго искусства, по справедливому замѣчанію Аполлона Григорьева, *) «лишаетъ поэта его великой личности, его пламенныхъ, но обманутыхъ жизнью сочувствій, его высокаго общественнаго значенія, и низводитъ его на степень кимвала звенящаго и мѣди бряцающей, громкаго и равнодушнаго эха, сладко поющей птицы». Сознывая всю недостаточность этого односторонняго взгляда, Ап. Григорьевъ старался его устранить и доказывалъ, что въ лицѣ Пушкина наша литература

*) Сочиненія (1876), I, 238.

имѣть «перваго и полнаго представителя нашей народной физиономіи въ мірѣ всѣхъ нашихъ сочувствій, не только художественныхъ, но общественныхъ и нравственныхъ». Развивая и во многомъ существенно дополняя сужденія Бѣлинскаго, Ап. Григорьевъ первый категорически формулировалъ положеніе, что «всѣ истинныя, правдивыя стремленія современной нашей литературы находятся въ духовномъ родствѣ съ пушкинскими стремленіями, отъ нихъ по прямой линіи ведутъ свое начало». Въ этихъ словахъ, конечно, прежде всего подразумѣвалось стремленіе нашей литературы къ жизненной, реальной правдѣ и къ народности, составляющее ея историческую основную задачу и ея могучую силу.

Но Ап. Григорьевъ не успѣлъ развить своихъ взглядовъ съ тою опредѣленностью и полнотою, какія необходимы были для того, чтобы упрочить эти взгляды въ литературномъ сознаниі, — и его голось остался въ его время одинокимъ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Напротивъ, передовыя представители нашей критики 60-хъ годовъ все болѣе и болѣе ограничивали даже приговоръ Бѣлинскаго и въ самомъ дѣлѣ низводили поэта на степень сладко поющей птицы. Наиболѣе умѣренные между ними признавали, что Пушкинъ усвоилъ одну только *форму* русской народности, а не духъ ея, и, говоря объ общественныхъ стремленіяхъ поэта, договаривались до странной мысли, будто Пушкинъ совсѣмъ не понималъ насущныхъ потребностей современнаго ему общества и даже все больше и больше съ нимъ расходился, такъ что смерть его явилась, будто бы, какъ нельзя болѣе кстати: она «избавила поэта отъ печальной необходимости видѣть себя живымъ мертвецомъ среди того самаго общества, которое еще недавно рукоплескало каждому его слову». Другіе шли еще дальше, отрицая ужэ всякое значеніе Пушкина въ литературѣ, такъ какъ область чистаго искусства, представителемъ котораго онъ считался, въ настоящее время, будто бы, «не имѣетъ уже никакого жизненнаго смысла». Самыя вдохновенныя созданія поэта презрительно обзывались «стишками», побрякушками, въ которыхъ воспѣваются мелкія чувствуца никуда не годныхъ шалопаевъ, и т. д.

Это безусловное, беспощадное отрицаніе поэта, доходившее даже до шутовскаго глумленія надъ нимъ, было, какъ ни страннымъ можетъ это показаться на первый взглядъ, послѣдовательнымъ выводомъ изъ приговора Бѣлинскаго, послѣдовательною *reductio ad absurdum* сужденій критика, благоговѣшаго передъ созданіями пушкинской музы. Въ Пушкинѣ, по старой памяти, продолжали видѣть исключительно художника, совершенно чуждаго дѣйствительной жизни съ ея тревожными запросами, съ ея радостями и горемъ, поэта созерцателя, олимпійца, который съ заоблачныхъ высотъ своего творчества равнодушно и презрительно смотритъ на окружающую его «чернь» и не дорожитъ народною любовью. Въ немъ не замѣчали, да, можетъ быть, и не хотѣли замѣчать другихъ сторонъ, кромѣ этой аристократической брезгливости къ толпѣ съ ея житей-

скими тревоженіями, кромѣ этого суроваго отталкиванія отъ себя общественныхъ вопросовъ:

Подите прочь! Какое дѣло
Поэту мирному до васъ?

Эти слова приняты были за безусловную аксіому чистаго искусства и послужили исходнымъ пунктомъ для отрицательнаго взгляда на Пушкина. Въ ту эпоху общаго напряженнаго оживленія, чисто юношескаго увлеченія насущными интересами дня,—въ эпоху, которую сложила знаменитая фраза: «Въ настоящее время, когда...»—поэтъ, повидимому чуждый этой злобѣ дня, все и всѣхъ поглотившей, долженъ былъ казаться отжившимъ свое время, архивнымъ. Если поэтъ отвернулся отъ общественныхъ, житейскихъ тревоженій, то общество считаетъ себя въ правѣ отвернуться отъ него и, въ свою очередь, сказать ему: «Иди прочь, ты намъ не нуженъ, твоя пѣсня бесплодна, какъ вѣтеръ,—иди въ свою могилу, и чѣмъ скорѣе порастетъ она травой забвенья, вмѣстѣ со всѣмъ твоимъ временемъ,—тѣмъ лучше. Наше время рѣшаетъ основныя задачи жизни практической,—наслажденіе созданіями чистаго искусства для него не нужно, и даже вредно. Намъ нуженъ теперь иной поэтъ, муза котораго была бы «музою мести и печали»... И вотъ, посреди общаго развѣнчиванія старыхъ боговъ, среди торопливаго низверженія прежнихъ кумировъ, которымъ недавно еще всѣ поклонялись, на долю Пушкина выпадаютъ самые жестокіе удары. У него, да и вообще у всей области искусства, представителемъ котораго онъ былъ признанъ, стараются отнять всякое значеніе для современности; его имя вызываетъ даже враждебныя чувства; за нимъ не хотятъ признать никакихъ заслугъ, хотя бы даже чисто литературныхъ; словомъ, Пушкинъ «упраздняется» изъ литературы точно такъ же, какъ въ 1837 году онъ былъ «упраздненъ» изъ жизни, за ненадобностью. По пословицѣ «крайности сходятся», передовые представители нашей отрицательной критики 60-хъ годовъ могли бы подать руку тѣмъ гонителямъ поэта, которые надъ закрытой еще его могилой не скупились на слова отрицанія и осужденія, говоря, что «писать стихи — не значить проходить великое поприще», или «много этой дряни, сочинивъ-то вашего Пушкина, было напечатано при его жизни; зачѣмъ еще понадобилось отыскать и печатать неизданное?» (выговоры графа С. С. Уварова и Л. В. Дуббеля—Краевскому). Сходство характерное, хотя, разумѣется, только вѣншее: тамъ, въ «доброе старое время», мы видимъ полное отрицаніе литературы вообще, какъ органа общественнаго самосознанія; здѣсь, въ эпоху «бурныхъ стремленій», разрушительные удары критики направляются на всю ту полосу нашей гражданственности, среди которой жилъ и дѣйствовалъ Пушкинъ, и въ усиленномъ отрицаніи сказывается горячее желаніе какъ можно скорѣе, окончательно и безповоротно отрѣшиться отъ всякихъ преданій той поры, навсегда уничтожить связь современности съ тяжелымъ, недавно отжитымъ прошлымъ. «Вина» Пушкина

была въ томъ, что онъ въ свое время стоялъ въ первомъ ряду литературы, что его имя было какъ бы символомъ цѣлаго періода нашего умственного развитія; оттого-то ему и пришлось вынести наибольшее количество нападеній. Нападенія были жестоки, несправедливы, — критика знала только отвлеченнаго Пушкина и не хотѣла знать реального, живого литературнаго дѣятеля; но въ ея заблужденіяхъ едва ли было что-нибудь неискреннее: въ нихъ сказалась только черезчуръ наивная, черезчуръ пылкая и молодая самоувѣренность, мечта о свѣжихъ силахъ новаго времени, которыя должны создать для общества новую жизнь, совсѣмъ несхожую съ прошлымъ, эта новая жизнь, казалось тогда, не должна имѣть съ прежнею ничего общаго, должна безъ оглядки и навсегда отвернуться отъ прошлаго и отказаться, во имя будущаго, даже и отъ того, что было дорого прежнему поколѣнію.

Таково, повидимому, было основное зерно отрицательнаго отношенія нашей критики 60-хъ годовъ къ Пушкину. Невѣрное въ принципѣ, поддерживаемое только горячимъ увлеченіемъ молодости, отрицаніе не могло оцѣниться въ литературѣ надолго; но брошенное имъ сѣмя сомнѣнія, все-таки, принесло свой плодъ. Пушкинъ, такъ сказать, былъ «оставленъ въ подозрѣніи»; къ нему обращались уже неохотно, считая его отжившимъ свое время, и въ лучшемъ случаѣ не безъ нѣкоторой снисходительности повторяли все тѣ же сужденія Бѣлинскаго, которыя (косвенно) послужили поводомъ къ нападкамъ на поэта за его, будто бы, исключительно художественное міросозерцаніе...

Между тѣмъ, время шло впередъ и все болѣе и болѣе отдаляло живущее поколѣніе отъ Пушкина и его эпохи; историческое изученіе мало по малу вступало въ свои права и начинало уже настойчиво требовать пересмотра старыхъ приговоровъ. Съ другой стороны, и живая душа русскаго общества все больше и больше чувствовала потребность вернуться къ оставленному поэту, все яснѣе и яснѣе сознавала свое духовное съ нимъ родство и убѣждалась, что истинная красота не находится въ противорѣчій ни съ высшимъ благомъ, ни съ высшею правдою. Россія, по прекрасному выраженію Тютчева, не забыла Пушкина, какъ первую свою любовь,—и пѣвецъ народной скорби, поэтъ мести и печали, на склонѣ своей литературной дѣятельности, явился чуткимъ выразителемъ этой сердечной привязанности:

Прости слѣпцамъ, художникъ вдохновенный,
И возвратись!... Волшебный факелъ свой,
Погашенный рукою дерзновенной,
Вновь засвѣти надъ гибнущей толпой!
Вооружись небесными громами,
Нашъ падшій духъ взнести на высоту,
Чтобъ человекъ не мертвыми очами
Могъ созерцать добро и красоту!...

И, какъ бы въ отвѣтъ на этотъ вдохновенный призывъ, мы были свидѣтелями величаваго проявленія національнаго чувства къ Пу-

шкину, какъ великому народному поэту и одному изъ передовыхъ представителей русской національной мысли. Открытіе памятника и незабвенные «пушкинскіе дни» 1880 года были торжественнымъ, всенароднымъ возведеніемъ Пушкина на ту высоту, на которой онъ долженъ стоять, какъ наша національная, общерусская гордость и слава и какъ поэтъ всемірный. Съ этого времени и въ отношеніяхъ нашей критики къ поэту начинается рѣшительный поворотъ. Для Пушкина наступила исторія,—и тѣ «беззаконные рисунки» и «чуждыя краски», которые были наложены на его произведенія и біографіи, стали, мало по малу, «спадать ветхой чешуей»; величавый образъ поэта, съ его 'задушевными идеями и стремленіями, съ его высокими нравственными завѣтами литературѣ и обществу, среди котораго онъ жилъ, мыслилъ и страдалъ, все яснѣе и яснѣе выступаетъ передъ потомствомъ, уже не затмѣяемый прежними фальшивыми представленіями, и изученіе этого *подлиннаго* Пушкина становится главной задачей историка литературы и общественной жизни. Но это изученіе имѣетъ не историческій только интересъ: путь, пройденный нами съ той поры, когда жилъ и дѣйствовалъ Пушкинъ, конечно, во многихъ отношеніяхъ измѣнилъ условія нашей жизни; но нельзя не замѣтить также, что во многихъ отношеніяхъ Пушкинъ все еще представляется нашимъ современникомъ,—что эта эпоха, когда онъ жилъ и умеръ, намъ понятнѣе, ближе, родственнѣе, чѣмъ покажется, вѣроятно, наше время—нашимъ внукамъ.

Въ самомъ дѣлѣ, только ли поэта-художника, великаго, но безстрастнаго, видѣли въ Пушкинѣ люди, среди которыхъ онъ жилъ, которые, въ дни его предсмертной агоніи, съ утра до ночи огромною толпою стекались къ его дому и чувства которыхъ, раздѣляемая всею грамотною Россією, съ такою мощью вылились въ желѣзномъ стихѣ Лермонтова,—въ этомъ воплѣ ужаса, скорби и негодованія? Поэта ли только видѣлъ въ немъ, съ другой стороны, тотъ малочисленный, но сильный своимъ общественнымъ положеніемъ кружокъ людей, которые при жизни его «такъ долго гнали его свободный, чудный даръ», всѣми силами старались, по обычному въ тѣ времена выраженію, «убрать» его, и, наконецъ, достигнувъ своей цѣли, не перестали преслѣдовать его даже и за гробомъ? Поэзія, сама по себѣ, едва ли могла бы послужить достаточнымъ поводомъ къ такому небывалому и поразительному для того времени проявленію общественнаго сочувствія и, конечно, еще менѣе могла бы вызвать такое озлобленное отрипаніе. Нѣтъ,—въ лицѣ Пушкина одни высоко чтили, а другіе ожесточенно преслѣдовали не только вдохновеннаго пѣвца, величайшаго изъ художниковъ родного слова, а одного изъ тѣхъ, весьма въ то время немногочисленныхъ, представителей дружны ученыхъ и литераторовъ, которые, по выраженію поэта, «всегда стоятъ впереди во всѣхъ набѣгахъ просвѣщенія, на всѣхъ приступахъ образованности, и не должны малодушно негодовать, что вѣчно имъ опредѣлено выносить

первые выстрѣлы и воѣ невзгоды, воѣ опасности ремесла (V, 120) *) благороднаго общественнаго дѣятеля и руководителя. Въ лицѣ Пушкина, въ эпоху мрачную, которую онъ самъ называлъ «жестокимъ вѣкомъ», духъ общества открыто заявлялъ свое сознательное бытіе, свою неустрашимость и свое право на жизнь. Пушкинъ не только былъ творцомъ нашей новой литературы, въ которой, при отсутствіи въ ту эпоху иныхъ сферъ общественной дѣятельности, исключительно могло проявляться наше самосознаніе,—литературы, въ которой такъ долго, по выраженію Достоевскаго, было «наше все»,—но онъ всегда умѣлъ и стремился пробуждать въ обществѣ «добрыя чувства» и ту жажду правды, свободы и просвѣщенія, которая всегда жила въ собственной его душѣ. Съ этой именно стороны личность и поэзія Пушкина заслуживаютъ самаго подробнаго и внимательнаго изученія, которое дало бы возможность правильно понять и оцѣнить человѣка и поэта.

Напомнимъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, основные факты біографіи Пушкина, въ связи съ его литературною дѣятельностью и развитіемъ его идей.

Воспитанный въ семьѣ, которой были близки умственные и литературные интересы своего времени, съ дѣтства знакомый съ Дмитриевымъ, Карамзинымъ, Жуковскимъ, какъ друзьями своего отца и поэта дяди, еще ранѣе поступленія въ Царскосельскій Лицей уже успѣвшій съ жадностью перечитать почти воѣхъ старыхъ французскихъ поэтовъ, начиная съ Мольера и продолжая Вольтеромъ, Шенье, Грессе и Парни, Пушкинъ въ отроческіе годы, на школьной скамьѣ, пробуетъ писать стихотворенія, которыя по своему содержанию представляютъ подражанія названнымъ поэтамъ, а по формѣ—отголоски стиховъ Батюшкова, Жуковскаго, Державина, Дмитриева и даже Карамзина. Стихъ его мало по малу вырабатывается, приобретаетъ гладкость и звучность; это еще «перепѣвы», но уже такіе, въ которыхъ иногда слышатся самостоятельныя, своеобразныя нотки; игривыя эротическія темы Парни и Батюшкова обрабатываются Пушкинымъ легко и оригинально; томная мечтательность Жуковскаго и напыщенная риторика Державина воспроизводятся имъ одинаково вѣрно и выдержанно,—хотя, въ сущности, уже ни та, ни другая не привлекаютъ его сочувствій. Окруженный въ Лицеѣ даровитыми товарищами, изъ которыхъ многіе также очень рано начали пробовать свои литературныя силы и въ прозѣ, и въ стихахъ, посреди постоянныхъ споровъ и разсужденій о современной литературѣ,—юноша Пушкинъ сразу воѣми своими симпатіями становится на сторону того литературнаго лагеря, во главѣ котораго стояли тогда Карамзинъ и его сподвижники,—того новаго литературнаго движенія, къ которому примкнули Жуковский и князь Вяземскій. Это движеніе было направлено противъ стараго классицизма, котораго рутинность и бездарное педанство успѣли уже

*) Воѣ ссылки на произведенія Пушкина сдѣланы по изданію Литературнаго фонда, С.-пб. 1887.

всѣмъ надоѣсть, но и оно само заключало въ себѣ прогрессивные элементы лишь чисто-формальнаго характера: покуда это былъ только еще споръ «о старомъ и новомъ слоgѣ»; старинный узкій взглядъ на поэзію оставался еще неприкосновеннымъ; понятія о литературномъ вкусѣ все еще вырабатывались на основаніи Лагарпа и Баттѣ; даже старыя «правила стихотворства» еще не утратили своей обязательности, хотя ихъ фальшивость уже чувствовалась: лицейскія стихотворенія Пушкина полны миеологическихъ именъ и сравненій совершенно во вкусѣ анакреонтическихъ пьесъ Державина; но въ то же время онъ уже подсмѣивается надъ похвальными одами и «бѣшенными» трагедіями отечественныхъ рѣмачей. Намѣшки надъ бездарными стихотворцами, которыхъ классическая манера окрестила Бавіями и Мевіями, надъ литературными старо-вѣрами, Шишковымъ и его «Бесѣдой», и съ другой стороны—преклоненіе передъ литературнымъ авторитетомъ Карамзина и Жуковского и прямо заявленное желаніе идти по ихъ слѣдамъ,—таковы характерныя черты литературныхъ взглядовъ лицеиста - Пушкина. Въ этомъ признаніи передовыхъ дѣятелей нашей литературы того времени своими руководителями заключалось, вмѣстѣ съ тѣмъ, и признаніе впервые ими провозглашеннаго принципа свободы, знамя которой было поднято извѣстнымъ «арзамасскимъ» кружкомъ молодыхъ писателей. Будущій литературный путь Пушкина былъ, такимъ образомъ, уже намѣченъ въ то время, когда юный поэтъ еще «безмятежно расцвѣталъ въ садахъ Лицея».

Но кромѣ поэтовъ-руководителей, произведеніями которыхъ вдохновлялся молодой Пушкинъ, кромѣ чуткихъ и даровитыхъ товарищей, съ которыми дѣлилъ онъ свои поэтическіе досуги, кромѣ лицейскихъ преподавателей, которые умѣли зажигать пламя въ сердцахъ своихъ юныхъ учениковъ, немалое вліяніе на Пушкина оказалъ и тотъ кругъ военной молодежи, съ которымъ онъ близко сошелся въ Царскомъ Селѣ. Военное сословіе того времени, безспорно, было самымъ передовымъ въ нашемъ обществѣ. Военная служба, еще недавно обязательная для всѣхъ дворянъ, считалась единственно-возможною для порядочнаго человѣка, такъ что лицейскому другу Пушкина, Ив. Ив. Пущину, дѣйствительно, было нужно немало самоотверженія, чтобы, отказавшись отъ мундира, заняты приказную должность надворнаго судьи. Молодые гвардейцы, аристократы не только по рожденію, но и по воспитанію, выросшіе среди либеральныхъ вѣяній первыхъ лѣтъ александровскаго царствованія, затѣмъ близко и непосредственно познакомившіеся съ европейскимъ обществомъ и его идеями во время памятнаго похода Россіи въ Европу, — вернулись на родину съ готовымъ запасомъ новыхъ воззрѣній, совершенно чуждыхъ и враждебныхъ старинному складу нашего общества. То было время политическаго романтизма, юношески-пылкихъ, но смутныхъ и черезчуръ отвлеченныхъ мечтаній о всеобщей свободѣ и братствѣ народовъ, когда низверженіе наполеоновской тиранніи казалось только прологомъ къ окончательному разрушенію средневѣковыхъ традицій въ политической жизни

европейскаго общества. Друзья Пушкина, царскосельскіе лейб-гусары, также съ увлеченіемъ предавались этимъ вольнолюбивымъ мечтамъ и надеждамъ, и бесѣды съ ними оставили глубокий слѣдъ въ воспримчивой душѣ молодого поэта. Въ числѣ этихъ офицеровъ находился одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, П. Я. Чаадаевъ, къ которому Пушкинъ навсегда сохранилъ дружеское чувство и искреннее уваженіе, какъ къ своему «учителю». Чаадаевъ былъ всего на три года старше Пушкина; но его блестящій умъ, обширная начитанность, ѣдкое, парадоксальное остроуміе, не могли не дѣйствовать на его младшаго друга обаятельнымъ и подчиняющимъ образомъ. Въ политическомъ воспитаніи Пушкина, ему, конечно, принадлежитъ видная роль. Юношеская вѣра въ возможность осуществленія свободныхъ идеаловъ на русской почвѣ была темою безконечныхъ бесѣдъ объ этомъ предметѣ среди людей, осужденныхъ тогдашнимъ строемъ русскаго общества на безплодную праздность, людей, которые, получивъ возможность общественной дѣятельности, дѣйствительно, могли бы проявить богатые умственныя и нравственныя силы. Чаадаевъ, который, по словамъ Пушкина, «въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Афинахъ — Периклесь», въ тогдашней Россіи долженъ былъ оставаться только гусарскимъ офицеромъ; геттингенскій студентъ Каверинъ, который, подобно Ленскому, также изъ «Германіи туманной привезъ вольнолюбивыя мечты», тратилъ свои силы на гомерическіе кутежи; другіе, болѣе энергичные, вродѣ М. Ѳ. Орлова, Никиты Муравьева, Н. Тургенева, пытались поставить политическіе и общественные вопросы на практическую почву и уже задумывали «Союзъ Благоденствія». Между тѣмъ, новое время становилось все менѣе и менѣе похожимъ на недавнее прошлое. «Дней Александровыхъ прекрасное начало» быстро приближалось къ концу; вопреки убѣжденію поэта, что «на поприщѣ ума нельзя намъ отступать», — мы усиленно отступали, и изъ вѣка свободы и просвѣщенія готовы были уже переселиться въ средніе вѣка. Принципы «Священнаго Союза», послужившіе фундаментомъ для общей европейской реакціи, получали уже широкое приѣмленіе и на русской почвѣ; вліяніе ханжей и обскурантовъ усилилось, Аракчеевъ стоялъ уже очень высоко... Въ такую-то пору Пушкинъ, 18-ти лѣтнимъ юношей, вышелъ изъ стѣнъ Лицея. Въ обществѣ онъ сразу занялъ мѣсто въ кругу тогдашней «золотой молодежи», которая единственною цѣлью жизни ставила безшабашное ея прожиганіе. Разсѣянная свѣтская жизнь, такъ живо описанная въ первой главѣ «Онѣгина», холостыя пирушки, театральныя похождения, дружескій кружокъ „Зеленой Лампы“, съ его вычурными за тѣями по части веселаго препровожденія времени, — все это поглотило значительную часть первыхъ трехъ лѣтъ петербургской жизни поэта. Но, несмотря на такую обстановку, талантъ его росъ и развивался отъ постороннихъ вліяній, приводя въ изумленіе прежнихъ его руководителей. «Стихи чертенка-племянника чудесно хороши», писалъ въ 1818 году кн. Вяземскій къ Жуковскому. «Этотъ бѣшеный сорванецъ насъ всѣхъ заѣстъ, насъ и отцовъ

наших». Безъ преувеличенія можно сказать, что пушкинскіе стихи, появляясь въ журналахъ того времени,—въ этихъ тощихъ книжечкахъ, напоминающихъ ученическія тетрадки,—одни давали имъ гораздо больше содержанія, чѣмъ всѣ остальные статьи, едва-ли кѣмъ и читавшіяся. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Пушкинъ былъ близокъ и къ «обществу умныхъ» или, какъ онъ называлъ, «молодыхъ яacobинцевъ»,—будущихъ декабристовъ, и сохранялъ прежнюю тѣсную связь съ Жуковскимъ и Карамзинымъ, какъ своими литературными руководителями. Среди эротическихъ стихотвореній этой эпохи поражаютъ изяществомъ мысли и формы поэтическія обращенія къ Жуковскому, этому «глубоко вдохновенному пѣвцу всего прекраснаго»; наряду съ ними стоитъ знаменитое стихотвореніе «Деревня», въ которомъ такъ ярко выразился благородный образъ мыслей поэта и его политическій идеалъ:

Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

Въ этихъ словахъ заключается, можно сказать, программа, которой Пушкинъ не измѣнялъ во всю свою жизнь: уничтоженіе крѣпостного рабства царскою властью и установленіе той же властью гражданской свободы, основанной на просвѣщеніи. Прочитавъ эти стихи, императоръ Александръ сказалъ: «Поблагодарите Пушкина за добрыя чувства, внушаемые его поэзіей» (I, 306), слова, о которыхъ поэтъ вспомнилъ семнадцать лѣтъ спустя, говоря о своихъ заслугахъ передъ родиной:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокий вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

«Вольнолюбивныя» мечты и надежды, вмѣстѣ съ вѣрою въ лучшее будущее, жили въ душѣ поэта и разгарались тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе сгущался мракъ, нависшій надъ умственной жизнью русскаго общества. Въ 1818 г. онъ писалъ Чаадаеву:

Мы ждемъ, съ волненьемъ упованья,
Минуты вольности святой,
Какъ ждетъ любовникъ молодой
Минуты сладкаго свиданья...

а въ 1820 г., въ то самое время, когда Магницкій, Руничъ и ихъ достойные сотрудники уже совсѣмъ приготовились погасить русское просвѣщеніе и настойчиво совѣтовали такъ «оградить Россію отъ Европы, чтобы и слухъ происходящихъ тамъ неистовствъ не достигалъ до нея»,—изъ подъ пера Пушкина выливается восторженный гимнъ свободѣ. Въ эпоху общей реакціи, которая особенно тяжело отозвалась у насъ, въ такую эпоху, когда поэтъ повсюду видитъ «бичи, желѣзы, законовъ гибельный позоръ, неволи немощ-

выя слезы»,—онъ смѣло возвышаетъ голосъ въ защиту законности (I, 220):

Лишь тамъ
Не слышится людей стенанье,
Гдѣ крѣпко съ вольностью святой
Законовъ мощныхъ сочетанье,
Гдѣ всѣмъ простертъ ихъ крѣпкій щитъ..

Онъ не лукавить самъ съ собой и не боится бросать убійственные эпиграммы въ лицо властнаго временщика и ханжей-гасильниковъ просвѣщенія. Извѣстно, что эти эпиграммы и вольнолюбивыя стихотворенія Пушкина, столь же рѣзко противорѣчившія тогдашнему настроенію, сколько они были согласны съ идеалами первыхъ лѣтъ александровскаго царствованія, навлекли на него тяжелую кару. О немъ стали говорить, будто онъ «наводнилъ всю Россію возмутительными стихами», и ему уже грозила ссылка въ Сибирь, или даже заточеніе въ Соловецкомъ монастырѣ, отъ котораго онъ былъ спасенъ только хлопотами Чаадаева и заступничествомъ Карамзина и благороднаго графа Каподистріи. Карамзинъ, говоря его собственными словами, «спасъ несчастнаго, обреченнаго року и Немезидамъ»,—и грозившее поэту наказаніе было замѣнено ссылкой въ далекой, дикій Кишиневъ.

Такъ закончился первый періодъ жизни и дѣятельности Пушкина.

Въ числѣ людей, имѣвшихъ несомнѣнное вліяніе на Пушкина въ первомъ періодѣ его петербургской жизни, мы назвали два имени—Чаадаева и Карамзина. Отношенія поэта къ этимъ людямъ, столь непохожимъ одинъ на другого, заслуживаютъ вниманія. При тѣхъ особенныхъ, своеобразныхъ условіяхъ, въ какія было поставлено развитіе нашей литературы въ первой половинѣ текущаго столѣтія, въ русскомъ обществѣ никогда не переводились люди, которые своею высокою личностью имѣли на современниковъ чрезвычайно сильное и благотворное вліяніе, а между тѣмъ въ литературѣ оставляли по себѣ лишь весьма скромный и невыразительный слѣдъ. Это, говоря словами Некрасова, тѣ два—три человѣка, которые „выносятъ на своихъ плечахъ“ все поколѣніе. Таковъ былъ Н. В. Станкевичъ; таковъ былъ Т. Н. Грановскій; первымъ во времени въ ряду этихъ людей стоитъ П. Я. Чаадаевъ. Просвѣщенный умъ, художественное чувство, благородное сердце, открытое для всего высокаго,—вотъ тѣ качества, которыя всѣхъ къ нему привлекали; по словамъ писателя совершенно иной школы,—по словамъ Хомякова,—*) Чаадаевъ былъ особенно дорогъ тѣмъ, что въ „такое время, когда мысль, повидимому, погружалась въ тяжкій и невольный сонъ, онъ и самъ бодрствовалъ, и другихъ пробуждалъ,—тѣмъ, что въ сгущающемся сумракѣ того времени онъ не давалъ потухать лампадѣ, и игралъ въ ту игру, которая извѣстна подъ именемъ «живъ курлика». Есть эпохи, въ которыя такая игра есть уже большая заслуга... Съ Чаадаевымъ Пушкинъ

*) Сочиненія, I, 720.

близко сошелся еще въ бытность свою въ Лицеѣ, и съ тѣхъ поръ на всю жизнь сохранилъ къ нему чувство самаго искренняго дружескаго расположенія. Продолжительныя и горячія бесѣды, несомнѣнно оставившія слѣдъ въ душѣ Пушкина, романтическія мечты о свободѣ и о служеніи благу родины, одинаковые литературные вкусы—вотъ что соединяло обоихъ друзей, и вотъ какъ самъ Пушкинъ говоритъ о значеніи этой дружбы въ знаменитомъ посланіи къ Чаадаеву изъ Кишинева, 1821 г. (I, 242):

Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
Ты оживлялъ ее совѣтомъ иль укоромъ;
Твоя жаръ воспламенялъ къ высокому любовь;
Терпѣнье смѣлое во мнѣ рождено вновь;
Ужь голосъ клеветы не могъ меня обидѣть:
Умѣлъ я презирать, умѣя ненавидѣть.

Во время узнавъ объ угрожавшей Пушкину опасности, Чаадаевъ бросился къ Карамзину и успѣлъ уговорить его вступить за поэта. Воспоминаніе объ этой дружеской услугѣ также, конечно, было дорого Пушкину:

Въ минуту гибели, надъ бездною потаенной
Ты поддержалъ меня недремлющей рукой...

На листкѣ, случайно сохранившемся отъ дневника, который Пушкинъ велъ въ Кишиневѣ, набросаны слѣдующія строки: «Получилъ письмо отъ Чаадаева. Другъ мой, упреки твои жестоки и несправедливы: никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мнѣ замѣнила счастье,—одного тебя можетъ любить холодная душа моя». По всей вѣроятности, дѣло идетъ объ отвѣтѣ Чаадаева на одно изъ писемъ Пушкина, который именно въ это время жаловался, что петербургскіе друзья относятся къ нему слишкомъ невнимательно. Изъ дальнѣйшаго видно, что Чаадаевъ не получилъ нѣсколькихъ писемъ Пушкина; подобные случаи нерѣдко бывали въ это время въ почтовой перепискѣ поэта, и однажды даже вызвали у него энергическое восклицаніе по адресу любопытныхъ читателей чужой переписки (VII, 28). Весьма вѣроятно, что именно къ Чаадаеву относится и отрывокъ письма, сохранившійся на томъ же листкѣ кишиневскаго дневника: «Мой достойный наставникъ, смѣлый, ѣдкій, злой,—но этого еще не достаточно, нужно быть жестокимъ, тираномъ, мстительнымъ; къ этому то я и прошу васъ привести меня», и т. д. (VII, 25). О перепискѣ по поводу известной статьи Чаадаева мы будемъ говорить въ послѣдствіи.

Съ своей стороны, и Чаадаевъ, уже долгое время спустя послѣ смерти поэта, съ теплымъ чувствомъ вспоминалъ о дружбѣ Пушкина. «Эта дружба, говорилъ онъ, принадлежитъ къ лучшимъ годамъ жизни моей, къ тому счастливому времени, когда каждый мыслящій человекъ питалъ живое сочувствіе ко всему доброму, какого бы цвѣта оно ни было, когда каждая разумная безкорыстная

мысль читалась выше самаго безкорыстнаго поклоненія прошедшему и будущему...» *).

Инымъ характеромъ отличались отношенія Пушкина къ Карамзину и Жуковскому. Молодой поэтъ съ дѣтства привыкъ уважать этихъ людей, какъ друзей своего отца и какъ даровитыхъ писателей, внесшихъ новое слово въ русскую литературу. Въ Карамзинѣ онъ видѣлъ прежде всего—преобразователя русскаго языка и слога и, вмѣстѣ съ другими членами «Арзамаса», ратовалъ противъ его литературныхъ антагонистовъ; затѣмъ, когда въ 1818 году появились первые восемь томовъ «Исторіи государства російскаго», Пушкинъ высоко оцѣнилъ въ этомъ трудѣ «не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка», уединившагося въ ученый кабинетъ во время самыхъ лестныхъ успѣховъ и посвятившаго цѣлыхъ 12 лѣтъ жизни безмолвнымъ и неутомимымъ трудамъ (V, 41). Впослѣдствіи Пушкинъ горячо отстаивалъ исторію Карамзина противъ нападокъ Полевого, и посвятилъ памяти исторіографа свою «Комедію о царѣ Борисѣ»,—«трудъ, гениемъ его вдохновленный». Озлобленіе противъ редактора «Вѣстника Европы», Каченовскаго, вызвавшее у Пушкина столько рѣзкихъ эпиграммъ, въ значительной степени объясняется нападками придирчиваго критика на исторію Карамзина.

Впрочемъ, уже при появленіи «Исторіи» Пушкинъ видѣлъ ея слабыя стороны и далеко не безусловно передъ нею преклонялся. Въ отрывкахъ изъ своей автобіографіи, говоря о толкахъ, вызванныхъ появленіемъ «Исторіи», Пушкинъ вспоминаетъ, что основная мысль карамзинскаго труда возбудила негодованіе среди «молодыхъ якобинцевъ»—будущихъ декабристовъ, которые пародировали Тита Ливія слогомъ Карамзина. Конечно, подъ вліяніемъ этихъ якобинцевъ Пушкинъ написалъ извѣстную свою эпиграмму: «Въ его исторіи изящность, простота», о которой онъ замѣчаетъ: «Мнѣ приписали одну изъ лучшихъ русскихъ эпиграммъ». Впрочемъ, онъ тутъ же и сознается, что эта эпиграмма—не лучшая черта его жизни: конечно, потому, что она была написана въ минуту личнаго неудовольствія противъ исторіографа. «Карамзинъ меня отстранилъ отъ себя, глубоко оскорбивъ и мое честолюбіе (самолюбіе?), и мою сердечную къ нему привязанность», писалъ Пушкинъ по этому поводу, много лѣтъ спустя: «до сихъ поръ не могу объ этомъ хладнокровно вспомнить» (VII, 182). Размолвка, можетъ быть, была вызвана однимъ изъ тѣхъ споровъ, которыхъ Пушкинъ рассказывалъ въ своихъ запискахъ: Карамзинъ защищалъ «свои любимыя парадоксы» о русской государственности, противъ которыхъ Пушкинъ горячо возражалъ...

Вообще, Карамзинъ относился къ молодому Пушкину очень благосклонно и снисходительно, смотрѣлъ на него, какъ на увлекающагося юношу, въ шутку называлъ либераломъ, но при случаѣ не прочь былъ «отечески» пожурить его за ту или другую вы-

*) Письмо къ С. П. Шевыреву, „Вѣстн. Евр.“ IX, 343.

ходку, показавшуюся уже слишком неумѣстной. Большая разница въ годахъ и въ общественномъ положеніи не могла не сказываться, не смотря на добродушіе и сдержанность Карамзина. Заступаясь за Пушкина по просьбѣ Чаадаева, Карамзинъ объявилъ, что дѣлаетъ это «въ послѣдній разъ», и взялъ съ поэта слово—по крайней мѣрѣ два года ничего не писать противъ правительства. Этимъ и закончились личныя сношенія Пушкина съ Карамзинымъ, который, по словамъ Пушкина, въ послѣдніе годы былъ ему уже совершенно чуждъ (VI, 258). Высоко уважая его, какъ писателя, Пушкинъ все болѣе и болѣе отдалялся отъ него, какъ отъ чело-вѣка.

Обстоятельства, непосредственно предшествовавшія ссылкѣ Пушкина, довольно извѣстны; мы напомнимъ здѣсь только то, что говорилъ объ этомъ времени, пять лѣтъ спустя, онъ самъ, въ черновомъ наброскѣ прошенія къ Государю (VII, 131—132). Въ обществѣ распространился слухъ, будто Пушкинъ былъ высѣченъ въ тайной канцеляріи,—слухъ, приведшій поэта въ крайнее отчаяніе. «Я считалъ себя погибшимъ въ глазахъ общества, говоритъ онъ,—я готовъ былъ на все, и думалъ,—не долженъ ли я убить себя»... Чаадаевъ совѣтовалъ своему молодому другу оправдаться передъ правительствомъ; но Пушкинъ, сознавая бесполезность оправданій, рѣшилъ, напротивъ, поступать такъ, чтобы вызвать со стороны правительства суровыя мѣры: «я жаждалъ Сибири или крѣпости, какъ возстановленія чести», говорилъ онъ, объясняя свое тогдашнее поведеніе. Благодаря Карамзину и Жуковскому, дѣло кончилось иначе; Пушкина отправили на югъ, къ генералу Инзову, причемъ даже въ официальной, Высочайше утвержденной, бумагѣ похвалили «величайшія красоты концепціи и слога въ той самой «Одѣ на вольность», которая была одной изъ причинъ ссылки поэта!..

Первое время ссылки было для Пушкина вовсе не тягостно. Случайная встрѣча съ семействомъ Раевскихъ, путешествіе съ ними на Кавказъ, жизнь въ Крыму и у Давыдовыхъ въ Каменкѣ, все это дало поэту много новыхъ впечатлѣній, а новые люди, встрѣченные имъ здѣсь, скоро заставили его позабыть своихъ петербургскихъ пріятелей изъ «золотой молодежи»—добрыхъ мальчухъ, но совершенно беззаботныхъ насчетъ литературныхъ и умственныхъ интересовъ; къ тому же и сами эти пріятели не особенно старались напоминать ему о себѣ: «преданный мгновенью, мало заботился я о толкахъ петербургскихъ», писалъ Пушкинъ объ этомъ времени. «Общество наше—разнообразная и веселая смѣсь умовъ оригинальныхъ, людей извѣстныхъ въ нашей Россіи, любопытныхъ для незнакомаго наблюдателя. Женщинъ мало, много шампанскаго, много острыхъ словъ, много книгъ, немного стиховъ»... Но послѣ этого оживленнаго интермеццо еще болѣе мрачною и душною должна была показаться юношѣ поэту жизнь въ пустынной для него Бессарабіи, гдѣ онъ скоро почувствовалъ всю тяжесть одиночества. Единственнымъ развлеченіемъ становятся для него шутки надъ полуазіатами, молдавскими «куконами», и разныя шалости, за которыя Инзовъ такъ часто сажалъ его подѣ

арестъ; единственную отрадою — переписка съ петербургскими друзьями изъ круга литературнаго—съ братомъ, съ княземъ Вяземскимъ, Гнѣдичемъ, Дельвигомъ, Плетневымъ. Литературные интересы пробуждаются въ немъ съ новою силою; онъ начинаетъ внимательно слѣдить за журналами и вообще много читаетъ, стараясь

вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы,
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.

Онъ перечитываетъ критическія статьи, вызванныя появленіемъ «Руслана и Людмилы», пишетъ на нихъ замѣчанія, задаетъ вопросы, освѣдомляется о судьбѣ своихъ стихотвореній, посланныхъ въ Петербургъ, беспокоится насчетъ цензуры, проситъ высылать ему журналы, книги, стихи. Грустное чувство одиночества, горькое разочарованіе въ людяхъ, для которыхъ поэтъ пѣлъ свои вольнолюбивыя пѣсни, и которые съ такимъ робкимъ эгоизмомъ отвернулись отъ него, когда средѣ «оргій жизни шумной» его постигнулъ остракизмъ, презрѣніе къ этому пустому обществу, связанному предрасудками, состоящему изъ людей корыстныхъ или самодовольныхъ глупцовъ— вотъ преобладающій мотивъ душевнаго настроенія Пушкина въ годы его кишиневской жизни:

Пиры, любовницы, друзья
Исчезли съ милыми мечтами;
Одинъ, одинъ остался я!
Померкла молодость моя
Съ ея невѣрными дарами...

Я говорилъ предъ хладною толпой;
Но для толпы ничтожной и глухой
Смѣшонъ гласъ сердца благородный,—
Я замолчалъ...

Вездѣ яремъ, сѣкира, иль вѣнецъ,
Вездѣ злобный иль малодушный,
Предразсужденья—
Тиранъ,—льстець,—
Предразсужденій рабъ послушный... (I, 287),

Этому настроенію вполне соответствовалъ мрачный, разочарованный тонъ поэзіи Байрона, съ которою Пушкинъ познакомился въ это время, и которая слишкомъ сильно задѣвала струны его собственного сердца, чтобы не отразиться въ его произведеніяхъ. Въ эту пору былъ написанъ «Кавказскій плѣнникъ», первая поэма Пушкина, въ которой сильно сказалось байроновское вліяніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выразились личныя чувства самого автора. Пушкинъ самъ указываетъ на эту личную сторону поэмы. «Характеръ плѣнника неудаченъ, говоритъ онъ въ письмѣ В. П. Горчакову (VII, 25): это доказываетъ, что я не гождусь въ герои романтическаго стихотворенія. Я въ немъ хотѣлъ изобразить равнодушіе къ жизни и ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души»... Сознавая всѣ недостатки своего произведенія, поэтъ все-таки приба-

вляеть: «люблю его, самъ не зная за что; въ немъ есть стихи моего сердца». И дѣйствительно, нельзя не признать именно такими стихами, на примѣръ, слѣдующіе:

Въ сердцахъ друзей нашедъ измѣну,
Въ мечтахъ любви—безумный сонъ,
Наскучивъ жертвой быть привычной
Давно презрѣнной суеты;
И непрязни двуязычной,
И простодушной клеветы,
Отступникъ свѣта, другъ природы,
Покленулъ онъ родной предѣлъ
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы.
Свобода! онъ одной тебя
Еще искалъ въ поддунномъ мѣрѣ;
Страстями сердце погубя,
Охолодѣвъ къ мечтамъ и къ лирѣ,
Съ волненьемъ пѣсни онъ внималъ,
Одушевленные тобою,
И съ вѣрой, съ пламенной мольбою
Твой гордый идолъ обнималъ. (II, 280).

Байронизмъ и романтическія мечты о свободѣ отразились также и въ отношеніяхъ Пушкина къ греческому возстанію, въ то время только что начинавшемуся, и къ карбонарскому движенію итальянцевъ. Восторженно привѣтствуя эти политическія движенія, Пушкинъ готовъ былъ видѣть въ нихъ, по примѣру Байрона, зарю новой жизни для Европы, воскресеніе свободы, повсюду подавленной реакціей Священнаго Союза:

Ужель надежды лучъ исчезъ?
Но нѣтъ,—мы счастьемъ насладимся,
Кровавой чашей причастимся,—
И я скажу: Христосъ Воскресъ! (VII, 21).

Скоро, однако же, Prismotрѣвшись поближе къ греческому возстанію и его вождямъ, Пушкинъ сталъ разочаровываться. «Дѣло Греціи меня живо трогаетъ, писалъ онъ въ 1823 году: вотъ почему я и негодую, видя, что на долю этихъ мизераблей выпала священная обязанность быть защитниками свободы» (VII, 67). А еще годъ спустя, онъ отзывался о грекахъ еще рѣзче: Греція мнѣ огадила... Иезуиты натолковали намъ о Оемистоклѣ и Периклѣ, и мы вообразили, что пакостный народъ, состоящій изъ разбойниковъ и лавочниковъ, есть законнорожденный ихъ потомокъ и наслѣдникъ ихъ школьной славы... (VII, 80). Съ отъѣздомъ изъ Одессы, Пушкинъ, какъ будто бы, совсѣмъ пересталъ интересоваться греческимъ возстаніемъ; по-крайней мѣрѣ, ни въ его сочиненіяхъ, ни въ перепискѣ мы не встрѣчаемъ уже ни слова о Греціи, даже и тогда, когда она уже завоевала себѣ свободу и политическую самостоятельность. Такимъ образомъ, мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что увлеченіе Греціей было только подсказано Пушкину Байрономъ, отъ котораго онъ, по собственному его выраженію, въ то время

«съ ума сходилъ» (V, 121), и прошло безслѣдно, когда Пушкинъ пережилъ свой байронизмъ.

Годы кипишевской и затѣмъ одесской жизни поэта были для него вообще эпохою „бурныхъ стремленій“, своего рода Sturm- und Drangperiode полныхъ противорѣчій и разочарованій. Сближеніе съ Александромъ Раевскимъ, который своимъ холоднымъ, скептическимъ умомъ напоминалъ Чаадаева, конечно, немало содѣйствовало развитію въ Пушкинѣ отрицательнаго взгляда на жизнь; не даромъ же поэтъ посвятилъ своему другу стихотвореніе «Демонъ»:

Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ,
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ...

Въ объясненіи къ этому стихотворенію онъ говоритъ, что «въ лучшее время жизни сердце, не охлажденное опытомъ, доступно для прекраснаго, легковѣрно и нѣжно; мало по малу вѣчныя противорѣчія сущности (т. е. противорѣчія дѣйствительности съ идеаломъ) рождаютъ въ немъ сомнѣніе, — чувство мучительное, но не продолжительное. Оно исчезаетъ, уничтоживъ наши лучшіе и поѣтические предразсудки души...» (II, 292). Неудовлетворенность окружающею жизнью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, — исканіе какихъ-нибудь положительныхъ, нравственныхъ основъ для дальнѣйшаго существованія — вотъ сущность того душевнаго процесса, какой переживалъ въ то время Пушкинъ на переходѣ отъ юности къ болѣе зрѣлому возрасту, — сущность этого «логическаго романа», который неизбѣжно переживается каждымъ мыслящимъ человѣкомъ. Эти блужданія оставили яркій слѣдъ въ литературной дѣятельности поэта. Онъ то увлекается байроновскими героями и рисуетъ Гирея, надъ которымъ такъ ядовито смѣялся А. Раевскій (V, 121), то возвращается къ темѣ «Руслана», и создаетъ планъ фантастической поэмы изъ древне-русскаго міра, но по манерѣ Аріосто (дѣйствующія лица — Илья Муромецъ, Мстиславъ и косошская царевна-амазонка Армида), то мечтаетъ о поэмѣ или драмѣ «Вадимъ», — на этотъ разъ, конечно, подъ вліяніемъ «своихъ друзей — декабристовъ (и въ особенности — Рылѣва), которые идеализировали легендарнаго представителя древне-славянсконности; задумываетъ другую поэму (а можетъ быть драму) изъ эпохи стрѣльческаго бунта, но вовсе не политическаго содержанія (II, 320—321); издѣваясь надъ вошедшимъ въ моду ханжествомъ, пишетъ поэму въ стилѣ Вольтера и Парни, полную крайняго религіознаго вольнодумства, и въ то же время обаятельную по прелести стиха (II, 342); наконецъ опять возвращается къ Байрону и сначала въ лицѣ Онѣгина изображаетъ «москвича въ гарольдовомъ плащѣ», а затѣмъ даетъ, въ лицѣ Алеко, типъ, въ которомъ съ особенною рельефностью отразились наиболѣе характерныя черты байроновскихъ героев — презрѣніе къ людямъ съ ихъ рабскою и безнравственною цивилизаціей и стремленіе къ простой, безискус-

ственной природѣ. Припомнимъ монологъ Алеко,—въ его обращеніи къ сыну:

Раста на волѣ, безъ уроковъ,
Не знай стѣснительныхъ палатъ
И не мѣняй простыхъ пороковъ
На образованный развратъ...

Поэтъ не пожалѣлъ мрачныхъ красокъ для этой ничтожной и пустой толпы, называющейся «обществомъ», для этихъ людей, которые «любви стыдятся, мысли гонять—и просятъ денегъ да цѣпей»: это-не болѣе, какъ стадо, которому не нужны дары свободы, котораго не пробудить призывъ чести, и среди котораго «сѣятель свободы» только напрасно сталъ бы терять время, благія мысли и труды. Если и уцѣлѣла гдѣ нибудь, случайно, «капля блага», то она все-таки, недоступна: «тамъ на стражѣ — иль просвѣщенъе (т. е. образованный развратъ), иль тиранъ»...

Тотъ же безотрадный взглядъ высказывается и въ наставленіяхъ Пушкина своему младшему брату: «будь о людяхъ самаго худшаго мнѣнія; не суди о нихъ по внушеніямъ своего добраго и благороднаго сердца, которое еще очень молодо; презирай ихъ какъ можно вѣжливей... Со всѣми будь холоденъ», и пр. (VII, 43).

Впрочемъ, поэтъ уже сознавалъ, что въ этомъ отчужденіи отъ людей главная роль принадлежитъ эгоизму, и высказалъ это въ поучительномъ обращеніи стараго цыгана къ Алеко:

Ты для себя лишь хочешь воли...

Отрицательное мировоззрѣніе не удовлетворяло Пушкина; онъ чувствовалъ, что оно оставляетъ пустоту въ сердцѣ, и что жизнь безъ положительныхъ цѣлей и стремленій не имѣетъ цѣны; что если человѣкъ дѣйствительно хочетъ воли, то долженъ хотѣть ея не для себя только, но и для другихъ. Но что значить хотѣть воли, и что можетъ дать ее? Вотъ основной вопросъ, отъ рѣшенія котораго зависитъ вся дальнѣйшая дѣятельность на поприщѣ общественномъ, — а поэтъ уже сознавалъ себя общественнымъ дѣятелемъ, и во время своихъ вольныхъ и невольныхъ скитаній по Россіи могъ воочию убѣдиться, какъ высоко его цѣнятъ и какъ много отъ него ждутъ всѣ грамотные люди. Идеаль «просвѣщенной свободы», о которомъ онъ мечталъ въ юности, подсказывалъ ему средство для достиженія этой высокой цѣли — въ просвѣщеніи, въ «пробужденіи добрыхъ чувствъ»; работать въ этомъ направленіи на поприщѣ, на которое онъ былъ призванъ, на поприщѣ литературы, — Пушкинъ и считалъ нравственною обязанностью писателя, который, по его словамъ, долженъ быть всегда впереди, и не впадать въ малодушіе при неудачахъ. Этому идеалу онъ и остался вѣренъ въ продолженіе всей своей жизни. Но по свойствамъ своего характера онъ далеко не былъ тѣмъ, что называется «цѣльной натурой»: русская жизнь вообще, а въ его время въ особенности, вовсе не благопріятствовала выработкѣ такихъ цѣльныхъ натуръ,

людей aus einem Guss (много ли подобныхъ типовъ представляеть и теперь наша литература?). Оттого-то, въ минуты вдохновеннаго творчества, въ немъ часто пробуждались прежнія сомнѣнія, вносили въ его душу разладъ, приводили къ разочарованію, заставляли замыкаться въ самомъ себѣ, и съ презрѣніемъ, подобно Алеко, отвергиваться отъ толпы, равнодушной къ усиліямъ литературы.

Къ чему стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь.. (1823)

Въ развратѣ каменѣйте смѣло,
Не оживить васъ лиры гласъ! (1828).

Затѣмъ въ поэтѣ снова воскресала вѣра и снова звала его «въ набѣги просвѣщенія, на пристушы образованности», къ борьбѣ на литературной аренѣ, которую онъ такъ сильно желалъ и такъ тщетно старался расширить. Такихъ противорѣчій, приливовъ и отливовъ, у Пушкина было немало. Чтобы правильно понять и оцѣнить ихъ, необходимо имѣть въ виду характеръ поэта, событія его личной жизни и общій духъ того времени, въ особенности же—тѣ условія, въ какія было поставлено тогда развитіе нашей литературы. Постараемся же взглянуть на тогдашнюю литературу съ точки зрѣнія Пушкина.

Тяжелымъ временемъ для русскихъ писателей была первая половина двадцатыхъ годовъ. «Литераторы», говоритъ Пушкинъ, вспоминая объ этой эпохѣ,—«были оставлены на произволь цenzурѣ своеюравной и притѣснительной; *редкое сочиненіе доходило до печати*. Весь классъ писателей (классъ важный у насъ, ибо, по крайней мѣрѣ, составленъ онъ изъ грамотныхъ людей) перешелъ на сторону недовольныхъ. Правительство его не хотѣло замѣчать, отчасти изъ великодушія, отчасти изъ непростительнаго небреженія...» (VII, 278). Между тѣмъ, въ обществѣ «либеральныя идеи сдѣлались необходимой вывѣской хорошаго воспитанія; подавленная литература превратилась въ рукописные пасквили на правительство и въ возмутительныя пѣсни» (V, 43). Подобно тому, какъ университетская наука связана была изумительными требованіями обскурантовъ,—и печати старались указать самыя тѣсныя предѣлы и подчинить ее самой тягостной опецѣ. По мѣткому выраженію поэта, литературу обратили въ гаремъ, а цензора—въ докучнаго евнуха. Извѣстный Магницкій ревностно сочинялъ и проводилъ въ практику свои проекты «борьбы съ лжеумствованіями»,—проекты, благодаря которымъ изъ скуднаго умственнаго обихода русскаго общества безпощадно вычеркивались цѣлыя области знанія. Сатиру, какъ говоритъ поэтъ, называли пасквиломъ, поэзію—развратомъ, гласъ правды—мятежемъ, Куницына—Маратомъ... Понятно, что при такихъ условіяхъ печатная литература не могла имѣть значенія просвѣтительной общественной силы; тѣмъ большее значеніе получала литература рукописная, въ которой самое видное мѣсто занимали произведенія Пушкина:

. . . Пушкина стихи въ печати не бывали,—
Что нужды? ихъ и такъ иные прочтали!

Любопытно, что рядомъ съ этими словами Пушкинъ поставилъ имя писателя, который впервые въ нашей литературѣ выступилъ съ горячимъ протестомъ противъ крѣпостного права:

Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ.

То же имя вспомнилось ему двѣнадцать лѣтъ спустя, когда онъ говорилъ о своихъ заслугахъ передъ русскимъ обществомъ:

Вослѣдъ *Радищеву* возславилъ я свободу.

Дѣйствительно, идеалы обоихъ писателей были одинаковы. Какъ въ свое время книга Радищева жадно читалась въ рукописи, такъ и теперь стихи Пушкина въ сотняхъ и тысячахъ списковъ разошлись по всѣмъ угламъ грамотной Россіи и, по свидѣтельству современниковъ, не было въ арміи прапорщика, который бы не зналъ ихъ наизусть. Увлекательные по формѣ, эти гармоническіе звуки, неслыханные до тѣхъ поръ на русскомъ языкѣ, содержаніемъ своимъ отвѣчали завѣтнымъ мечтамъ русскаго общества, и поэтъ едва ли много преувеличивалъ, говоря, что въ послѣднее пяти-десятилѣтіе александровскаго царствованія онъ имѣлъ на все сословіе литераторовъ гораздо болѣе вліянія, чѣмъ министерство народнаго просвѣщенія, несмотря на неизмѣримое неравенство средствъ. Цензура—это большое мѣсто литературы того времени—составляетъ предметъ постоянного, хоть иногда и невольнаго, вниманія Пушкина. Еще въ самомъ раннемъ изъ напечатанныхъ его стихотвореній, въ посланіи «Къ другу стихотворцу» (1814 г.), поэтъ, предостерегая своего друга отъ литературныхъ увлеченій, совѣтуетъ ему брать примѣръ съ человѣка, не чувствующаго охоты къ стихамъ, и не гуляющаго «по высотамъ Парнасса»: такой человѣкъ счастливъ, между прочимъ, уже и потому, что «его перомъ въ рукахъ Рамаковъ не страшить». Въ имени Рамакова слѣдуетъ, кажется, видѣть анаграмму: «*Мараковъ*» и намекъ на *марающую* цензуру. Въ пѣсенкѣ «Noel», въ числѣ сказокъ, которыя рассказываетъ «отецъ», есть обѣщанія и насчетъ цензоровъ:

Лаврову дамъ отставку,
А Соца—въ желтый домъ...

Имена Бирукова «Грознаго», Тимковскаго, въ послѣдствіи Красовскаго, имѣвшія для нашихъ писателей 20-хъ годовъ такое роковое значеніе, можно сказать, не сходятъ у Пушкина съ языка:

Поклонникъ правды и свободы,
Бывало, что ни напишу,
Все для ихъ «не Русью пахнетъ»;
О чемъ цензуру ни прошу,
Ото всего Тимковскій ахнетъ...

«Пишу теперь новую поэму... Бируковъ ея не увидитъ, за то, что онъ фи—дитя, блажной дитя» (VII, 59). «Цензура наша такъ своенравна, что съ нею невозможно и размѣрить круга своего дѣй-

«ствія. Лучше объ ней и не думать» (VII, 56). «Богатая мысль—напечатать «Наполеона»: да цензура... лучшія строфы потонуть» (VII, 122). „Vale, sed delenda est censura“ (VII, 31).

Мелочныя придирки причиняли много неприятностей воѣмъ писателямъ, но Пушкину въ особенности, потому что за нимъ, какъ за человѣкомъ явно неблагонадежнымъ, цензура считала нужнымъ смотрѣть внимательнѣе, чѣмъ за другими. Подозрительность ея простиралась даже на отдѣльныя слова: такъ, на примѣръ, ей не нравилось слово «вольнолюбивый», не смотря на то, что, по замѣчанію Пушкина, «оно такъ хорошо выражаетъ нынѣшнее libéral, и притомъ слово прямо русское» (VII, 24); не допускалось, въ стихотвореніи о земной любви, выраженіе: «небесный пламень» (VII, 33). Въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ» Бируковъ ни за что не соглашался простить два стиха о черкешенкѣ:

Не много радостныхъ ночей
Судьба на долю ей послала,

находя ихъ крайне неприличными и требуя, чтобы было напечатано: «Немного радостныхъ ей дней судьба на долю ниспослала». Такъ и напечатали въ первомъ изданіи поэмы, не смотря на возраженія Пушкина, что нельзя сказать ей дней въ концѣ стиха, и что днемъ черкешенка не видалась съ плѣнникомъ. «И чѣмъ же ночь неблагопрістойнѣ дня? спрашивалъ поэтъ — Которые изъ 24 часовъ именно противны духу нашей цензуры?» (VII, 53). Эти и другія подобныя придирки нерѣдко вызывали у Пушкина очень энергическія выраженія и заставляли его даже скрывать отъ цензуры свое имя; стихи его часто представлялись въ цензуру его друзьями, выдававшими ихъ за свои, и печатались безъ подписи: «старушку можно и обмануть,—писалъ поэтъ Бестужеву (VII, 32); не называйте меня, а поднесите ей мои стихи подъ именемъ кого угодно; главное дѣло въ томъ, чтобы имя мое до нея не дошло, и все будетъ слажено». Такимъ образомъ, поэтъ въ самомъ дѣлѣ былъ «послѣднихъ жалкихъ правъ безъ милости лишень», если для того, чтобы сберечь нѣсколько лишнихъ строчекъ въ томъ или другомъ стихотвореніи, ему приходилось отказываться даже отъ своего имени. Припомнимъ, наконецъ, его знаменитое «Первое посланіе къ цензору», въ которомъ онъ такъ ярко изобразилъ печальное положеніе литературы и такъ энергично заявилъ требованіе просвѣщеннаго писателя (I, 365):

На поприщѣ ума нельзя намъ отступать!

Но вотъ, въ 1824 году, во главѣ министерства народнаго просвѣщенія является человѣкъ, который хотя и слыветъ старовѣромъ, но высказываетъ рѣшимость разорвать съ прошедшимъ и энергически приняться за новое дѣло. При всей исключительности взглядовъ и понятій Шишкова, онъ отличался неподкупною честностью своихъ убѣжденій и, не смотря на крайнее, зловѣщее раздраженіе обскурантовъ противъ пишущей братіи, требовалъ огражденія лите-

ратуры отъ невѣжественнаго произвола ея суровыхъ опекуновъ. «Необходимо нужно,—говорилъ онъ, чтобы цензура составлена была изъ немалого круга людей ученыхъ, честныхъ, благоразумныхъ, отъ которыхъ бы никакіе цвѣты не закрыли змѣю и, напротивъ, простая травка не казалась бы имъ змѣиными жадами... Слабая цензура будетъ пропускать вредныя внушенія, а строгая — не дастъ говорить ни уму, ни правдѣ. Не довольно имѣть строгую цензуру, но надобно, чтобы она бы *умная* и осторожная».

Подобныя мысли, естественно, располагали представителей тогдашней литературы въ пользу ветерана—писателя, которому было ввѣрено главное управленіе цензурою. Пушкинъ, во второмъ посланіи къ цензору, указывая на «Наказъ» Екатерины, какъ на лучший законъ для цензуры, горячо привѣтствовалъ Шишкова, именно какъ уцѣлѣвшаго свидѣтеля екатерининскаго времени, и вслѣдъ за нимъ повторялъ своему официальному цѣнителю: «Будь строгъ, но будь *умень*». Но, соглашаясь, что Шишковъ оживилъ нашу литературу, Пушкинъ, въ то же время, не могъ скрыть своего недовѣрія къ ея силамъ. «Жаль,—говоритъ онъ, la coupe était pleine. Вируковъ и Красовскій нестерпежъ были глушы своенравны и притѣнительны. Это долго не могло продолжаться... Я и радъ, и нѣтъ. Давно девизъ всякаго русскаго есть: *тѣмъ хуже, тѣмъ лучше*. Оппозиція русская, составившаяся изъ нашихъ писателей, какихъ бы то ни было, приходила уже въ какое-то нетерпѣніе, которое я исподтишка поддразнивалъ, ожидая чего нибудь. А теперь, какъ позволять ММѣ говорить своей любовницѣ, что она божественна, что у ней очи небесныя и что любовь есть священное чувство, вся эта сволочь опять утомится, журналы пойдутъ вратъ своимъ чередомъ, чины своимъ чередомъ, Русь своимъ чередомъ»... (VII, 79, 81).

Въ самомъ дѣлѣ трудно было надѣяться на силы этой литературы, въ которой еще все нужно было творить, начиная съ языка и слога, и которой еще не доставало самосознанія въ видѣ критики.

«Мы не имѣемъ ни одинаго комментарія, ни единой критической книги», писалъ Пушкинъ въ 1825 году. «Литература кой-какая у насъ есть, а критики—нѣтъ». Эти слова, въ примѣненіи къ тѣмъ жидкимъ и безсодержательнымъ обзорамъ «россійской словесности», какіе появлялись въ журналахъ двадцатыхъ годовъ, были совершенно справедливы, такъ какъ авторы этихъ обзоровъ стояли очень далеко позади литературнаго движенія. Представители стариннаго классицизма, строгіе литературные формалисты, ополчались на Пушкина за то, что онъ сразу и такъ рѣшительно отказался отъ преданій школьной піитики; они видѣли въ немъ главу новаго литературнаго направленія,—того нечестиваго «романтизма», отрицающаго пригодность тѣсныхъ рамокъ творчества, который казался имъ порожденіемъ сатанинскаго, революціоннаго духа. Нежеланіе подчинять поэтическое вдохновеніе мелочнымъ правиламъ допотопной «науки стихотворства» было въ глазахъ многихъ людей едва ли не равносильно отрицанію всякихъ правилъ общественнаго порядка, то есть—полной нравственной распущенности, при которой...

говоря словами одного изъ литературныхъ старовѣровъ, поэзія обращается въ вертепъ разбойниковъ. Упорно замыкаясь въ тѣсномъ кругу отжившихъ теорій, критика 20-хъ годовъ, закоснѣлая въ сухомъ школьномъ педантизмѣ, продолжала твердить литературные зады и послѣдовательно договорилась до положеній самыхъ комическихъ. Дальше чисто-формальной, внѣшней точки зрѣнія она и не хотѣла ничего видѣть, да и не могла ничего разглядѣть, и молодыя литературныя силы, сплотившіяся вокругъ Пушкина (князь Вяземскій, А. Бестужевъ и др.) только напрасно тратили свое остроуміе въ полемикѣ въ защиту новаго литературнаго направленія, въ защиту свободы поэтическаго творчества. Литературные «отцы и дѣти» говорили на разныхъ языкахъ; они слишкомъ далеко расходились между собою въ воззрѣніяхъ на литературу—и какое бы то ни было соглашеніе представлялось, очевидно, невозможнымъ. Высокое художественное значеніе поэзіи Пушкина, точно такъ же, какъ его идеи, оставалось непонятымъ и неощущеннымъ; поэтъ былъ совершенно правъ, говоря, что «у насъ критика не имѣетъ никакой самостоятельности, и почти никакого вліянія на судьбу литературныхъ произведеній»; она «можетъ представить нѣсколько отдѣльныхъ статей, исполненныхъ свѣтлыхъ мыслей и важнаго остроумія»; но эти статьи «являлись отдѣльно, на разстояніи одна отъ другой, и не получили еще вѣса и постояннаго вліянія. Время ихъ еще не приспѣло». Какъ на характерную особенность литературныхъ сужденій своего времени, Пушкинъ указываетъ на отсутствіе общихъ руководящихъ началъ и на бездоказательность: «Критики наши говорятъ обыкновенно: это хорошо, потому что прекрасно; а это дурно, потому что скверно. Отселѣ ихъ никакъ не выманишь» (V, 108—112). Нѣтъ сомнѣнія, что русскіе читатели того времени въ отношеніи къ литературѣ стояли далеко впереди критики, и своимъ непосредственнымъ чутьемъ умѣли цѣнить выдающіяся произведенія гораздо вѣрнѣе своихъ журнальныхъ руководителей. То же явленіе повторилось, какъ мы увидимъ впоследствии, и въ 30-хъ годахъ, когда Пушкинъ выступилъ уже во всей силѣ и зрѣлости своего генія, когда онъ явился, во главѣ блестящей плеяды молодыхъ писателей, творцомъ нашей новой литературы, и когда остатки прежнихъ отжившихъ теорій были практически уже совершенно упразднены изъ литературнаго обихода.

При такомъ положеніи нашей критики, Пушкинъ, конечно, имѣлъ право не считаться съ ея мнѣніями и требованіями, не обращать на нихъ серьезнаго вниманія, и если отвѣчалъ своимъ «журнальнымъ пріятелямъ», то только эпиграммами. Гораздо внимательнѣе относится онъ къ русской литературѣ, никогда не теряя вѣры въ ея будущее. Однимъ изъ важныхъ залоговъ будущаго развитія считалъ онъ отсутствіе въ нашей литературѣ той приниженности и лести, какою характеризуется, на примѣръ, литература французская, про которую Пушкинъ говорилъ, что она «родилась въ передней».—«Мы можемъ праведно гордиться, писалъ онъ Бестужеву: наша словесность, уступая другимъ въ роскоши талантовъ, тѣмъ

передъ ними отличается, что не носить на себѣ печати рабскаго униженія... Наши таланты благородны, независимы... О нашей лири можно сказать, что Мирабо сказалъ о Сиевѣ: son silence est une calamité publique (VII, 127).

Независимость—вотъ что больше цѣнилъ Пушкинъ въ писателѣ, и чего онъ требовалъ отъ литературы вмѣстѣ съ признаніемъ свободы поэтическаго творчества. Но для того, чтобы писатель могъ быть свободенъ и независимъ въ своей дѣятельности, необходимо, чтобы литература приобрѣла самостоятельное положеніе, чтобы она перестала быть пріятнымъ препровожденіемъ времени «въ досужные отъ занятій часы», и сдѣлалась бы жизненнымъ дѣломъ и источникомъ существованія для цѣлаго класса людей, всецѣло отдающихъ ей свои силы.

Наша литература 20-хъ годовъ далека еще была отъ такой самостоятельности. «Не должно русскихъ писателей судить какъ иноземныхъ, говоритъ Пушкинъ: тамъ пишутъ для денегъ, а у насъ, кромѣ меня,—изъ тщеславія. Тамъ ѣсть нечего, такъ пиши книгу, а у насъ ѣсть нечего, такъ служи, да и не сочиняй» (VII, 171). Расширить кругъ читателей, вызвать въ обществѣ интересъ къ литературѣ, поставить ее, какъ службу общественную, наряду съ службой государственной, которая одна только и признавалась въ то время серьезнымъ дѣломъ, вотъ въ чемъ видѣлъ Пушкинъ ближайшую цѣль литератора и, высоко цѣня это званіе, самъ прежде другихъ и больше другихъ старался содѣйствовать возвышенію литературы. Изъ всѣхъ нашихъ писателей до Пушкина одинъ только Карамзинъ можетъ быть названъ литераторомъ въ нынѣшнемъ значеніи слова, потому что онъ посвятилъ себя исключительно литературному и научному труду, отъ котораго и получалъ средства къ жизни; онъ первый высказалъ мысль, что литература есть такое же серьезное и полезное занятіе, какъ и служба государственная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, по выраженію Пушкина, «показалъ опытъ торговыхъ оборотовъ въ литературѣ». Пушкинъ въ этомъ отношеніи явился прямымъ продолжателемъ Карамзина: подобно Карамзину, онъ считалъ авторство единственнымъ своимъ занятіемъ, своими произведеніями значительно увеличилъ число читателей и, смотря на литературу, какъ на великую силу образовательную, въ то же время видѣлъ въ ней и «видъ частной промышленности, покровительствуемой законами» (VII, 278). Это покровительство законовъ должно прежде всего выражаться въ огражденіи права литературной собственности, которое, по отношенію къ Пушкину, очень часто и самымъ безцеремоннымъ образомъ нарушалось. Не говоря уже о мелкихъ стихотвореніяхъ, которыя безнаказанно перепечатывались «альманашками» со списковъ, часто искаженныхъ,—одинъ чиновникъ III отдѣленія преспокойно перепечаталъ всего «Кавказскаго плѣнника», прибавивъ къ поэмѣ нѣмецкій переводъ; Пушкинъ лишился такимъ образомъ трехъ тысячъ рублей, и нигдѣ не могъ найти управы на своевольнаго контрафактора. «Это былъ, говоритъ поэтъ, первый примѣръ плутовства». За исключеніемъ «Исторія»

Карамзина, которой 3000 экземпляровъ было раскуплено въ одинъ мѣсяцъ, ни одно сочиненіе не вызвало въ нашѣмъ книжномъ рынкѣ такого спроса, какъ произведенія Пушкина; такимъ образомъ, онъ практически содѣйствовалъ и оживленію книжной торговли, и установленію понятія о литературной собственности. «Ради Бога, не думайте, говорилъ онъ, чтобъ я сталъ смотрѣть на стихотворство съ дѣтскимъ тщеславіемъ риемача или какъ на отдохновеніе чувствительнаго человѣка; оно—просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мнѣ пропитаніе и домашнюю независимость... Кромѣ независимости, я ничего не желаю, и увѣренъ, что при помощи мужества и терпѣнія, въ концѣ концовъ добьюсь ея. Я поборолъ въ себѣ неохоту писать стихи для продажи; самый важный шагъ, такимъ образомъ, уже сдѣланъ. Правда я пишу подъ капризнымъ вліяніемъ вдохновенія; но разъ стихи написаны, я смотрю на нихъ уже только какъ на товаръ, по столько-то за штуку,—и не понимаю, отчего друзья мои этимъ смущаются... Мнѣ надоѣло зависѣть отъ хорошаго или дурнаго пищеваренія того или другого начальника.— я хочу принадлежать самому себѣ...» (VІІ, 77). «Смущеніе» друзей Пушкина объясняется необычностью высказаннаго имъ взгляда на литературный трудъ, какъ на серьезную работу, которая должна быть оплачиваема. Они не могли понять, отчего Пушкинъ сердится на распространеніе его поэмъ въ рукописи раньше ихъ появленія въ печати; имъ казался страннымъ тонъ, какимъ дѣлалъ поэтъ свои предложенія журналистамъ: «Хотите ли вы у меня купить весь кусокъ поэмы («Кавказскій плѣнникъ»)? Длинною въ 800 стиховъ; стихъ шириною — четыре стопы; разрѣано на двѣ пѣсни. Дешево отдамъ, чтобы товаръ не залежался» (VІІ, 25). Въ то время писатели почти не знали гонорара, да и заводить о немъ рѣчь считали неприличнымъ, говоря, что дѣлать вдохновеніе на деньги, значило — унижать драгоцѣнный даръ божества. Пушкинъ первый посмотрѣлъ на дѣло съ практической точки зрѣнія и прямо указалъ, что вдохновенное творчество — само по себѣ, а печать и книжная торговля—сами по себѣ:

Не продается вдохновенье,
Но нужно рукопись продать,—

и не только можно, но и должно, потому что писатель такимъ образомъ удовлетворяетъ спросу публики, даетъ доходъ книгопродавцу и приобретаетъ средства, доставляющія ему независимость. Всѣ эти положенія, теперь уже для всякаго азбучнаго, въ то время нужно было еще серьезно доказывать и отстаивать,— и заслуга Пушкина въ этомъ отношеніи не подлежитъ спору. Онъ практически показалъ, что русскій писатель имѣетъ возможность добиться независимаго и почетнаго положенія въ обществѣ внѣ той узкой служебной сферы, которая въ тѣ времена считалась единственно возможнымъ поприщемъ дѣятельности. Онъ сознавалъ, что для того, чтобы представители литературы могли упрочить за собою такое

положеніе, необходимо прежде всего поднять уровень самой литературы и усилить интересъ къ ней въ обществѣ, а слѣдовательно, — сдѣлать это общество болѣе просвѣщеннымъ, развить въ немъ умственныя потребности. Въ этомъ и видѣлъ Пушкинъ ближайшую задачу русскаго писателя.

Такимъ образомъ, прежній романтически—мечтательный идеаль «просвѣщенной свободы» мало по малу принимаетъ для поэта опредѣленные очертанія, осязательную форму, соответствующую насущнымъ, жизненнымъ потребностямъ русской дѣйствительности, и высокая цѣль, и средства для ея достиженія все болѣе и болѣе выясняются.

При такомъ взглядѣ на положеніе и значеніе поэта, Пушкинъ, конечно, не могъ ужиться съ графомъ Воронцовымъ, который не хотѣлъ видѣть въ немъ ничего другого, кромѣ коллежскаго секретаря, своего подчиненнаго, присланнаго на югъ для исправленія, и нерадиваго къ служебнымъ обязанностямъ. Положеніе Пушкина въ Одессѣ становилось все болѣе и болѣе тяжелымъ. Онъ, по собственнымъ его словамъ, «карабкался», просидя хоть на нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургъ, — но получилъ рѣшительные отказы. «О, други, Августу мольбы мои несите!» говоритъ онъ въ письмѣ къ брату, повторяя свой стихъ изъ посланія къ Овидію, — и тутъ же прибавляетъ: «но августъ смотритъ сентябремъ» (V П, 43). «Ты не приказываешь жаловаться на погоду — въ августъ мѣсяцъ, — такъ и быть; а вѣдь неприятно сидѣть взаперти, когда гулять хочется» (V П, 48). Въ началѣ 1824 года у поэта явилась даже мысль о побѣгѣ за границу: «Осталось одно, говоритъ онъ: писать прямо на его имя — такому-то въ З. Д., что напротивъ П. К., не то — взять тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотреть Константинополь. Святая Русь мнѣ становится невтерпежъ»... То же мы видимъ и въ строфахъ первой главы «Онѣгина»:

Придетъ ли часъ моей свободы?
Пора, пора! взываю къ ней...
Пора покинуть скучный берегъ
Мнѣ непріязненной стихіи,
И средь полуденныхъ збей,
Подъ небомъ Африки моей,
Вздыхать о сумрачной Россіи...

Но исполненію этого плана помѣшала — любовь:

Могучей страстью очарованъ,
У береговъ остался я..

Эта же могучая страсть, надолго оставившая слѣдъ въ душѣ поэта, повидимому, ускорила и перемѣну въ его судьбѣ. Личныя отношенія Пушкина къ графу Воронцову сдѣлались совсѣмъ невозможными, и поэтъ долженъ былъ отправиться «въ далекій сѣверный уѣздъ».

Въ Михайловскомъ начинается для Пушкина новый періодъ дѣятельности. Заброшенный въ лѣсную глушь, лишенный общества,

поэтъ отдаеть все свое время занятіямъ литературнымъ, погружается въ книги, въ изученіе русской старины, русскаго народнаго быта, ведеть съ своими петербургскими друзьями непрерывную переписку обо всёхъ вопросахъ текущей литературы, часто спорить съ ними, высказывая новыя мысли, чрезвычайно интересуется всёмъ, что дѣлается въ литературѣ и, ничѣмъ не развлекаемый, посвящаетъ себя серьезному труду. Первое время жизни въ деревнѣ было для него крайне тяжело: «Я еще былъ молодъ», говорить онъ, вспоминая объ этомъ времени десять лѣтъ спустя,

Но уже судьба
 Меня борьбой неравной истомила;
 Я былъ ожесточень..
 Я былъ одинъ. Врага я видѣлъ въ каждомъ,
 Измѣнника въ товарищѣ минутномъ,
 И бурныя кипѣли въ сердцѣ чувства,
 И ненависть, и грезы мести блѣдной..

Только упорный трудъ и поэтическое вдохновеніе помогли ему пережить эти тяжелые годы:

Поэзія, какъ ангелъ утѣшитель,
 Спасла меня...

Талантъ поэта растетъ и крѣпнетъ съ каждымъ днемъ, приобретаетъ самобытность, и къ концу изгнаннической жизни проявляется уже во всей своей силѣ и блескѣ. Біографы и критики Пушкина говорятъ обыкновенно, что уѣзжая изъ Одессы на сѣверъ, поэтъ простился съ властителемъ своихъ думъ, Байрономъ. Дѣйствительно, въ его вдохновенномъ обращеніи «Къ морю» въ могучемъ аккордѣ слились характерные звуки байроновской лиры: любовь къ природѣ, разочарованіе въ людяхъ, ненависть къ тираніи и ложному просвѣщенію. Англійскій поэтъ, несомнѣнно, имѣлъ на Пушкина сильное вліяніе; но подражателемъ Байрона нашъ поэтъ въ это время уже не былъ. Выше мы отмѣтили приговоръ Пушкина надъ своимъ Алеко,—это рѣшительное осужденіе безнадежнаго эгоизма байроновскихъ типовъ; съ каждымъ шагомъ впередъ, нашъ поэтъ все болѣе и болѣе отдалялся отъ Байрона, и при всемъ своемъ поклоненіи его гению, никогда не былъ ни его послушнымъ кліентомъ, ни его паразитомъ.

Черта, глубоко раздѣляющая обоихъ поэтовъ, объясняется національными особенностями того и другого. Байронъ былъ чистокровный англичанинъ, а Пушкинъ—не менѣе русскій человекъ «петербургскаго періода». Нашему поэту были близки и вполне понятны всѣ страданія цивилизованнаго человека, поставленнаго жизнью въ дикія условія,—страданія, краснорѣчивымъ выразителемъ которыхъ явился Байронъ; но среди всёхъ этихъ страданій его никогда не покидала *вѣра въ будущее*, вѣра въ народныя силы, которой у Байрона, человека западнаго, совсѣмъ уже не было. Байронъ, поэтъ великой и свободной человѣческой личности, съ каждымъ шагомъ все больше и больше удаляется отъ общества,

замыкается въ самомъ себѣ, въ своемъ гордомъ презрѣніи къ людямъ, становится все болѣе и болѣе мрачнымъ и беспощаднымъ въ своей ироніи надъ человѣческой толпой. Онъ не видѣлъ въ будущемъ ничего свѣтлаго, никакой надежды, и, подавленный горькими думами, чувствуя отвращеніе къ европейскому обществу, для казни котораго онъ не находилъ достаточно сильныхъ словъ, пожертвовалъ своею жизнью народу «разбойниковъ и лавочниковъ», которыхъ онъ считалъ достойными преемниками древнихъ эллиновъ. Пушкинъ, напротивъ, все болѣе и болѣе сближается съ обществомъ, близко принимаетъ къ сердцу его интересы, становится выразителемъ его стремленій, привязывается къ своему родному, національному и въ немъ ищетъ вдохновенія. Въ противоположность «поэту гордости», Байрону, Пушкинъ уже съ явною ироніей относитъся къ разочарованному эгоизму:

Мы почитаемъ всѣхъ нулями,
А единицами—себя;
Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны;
Двуногихъ тварей миліоны
Для насъ—орудіе одно .

Это не было «смиреніе» передъ дѣйствительностью, которое наши славянофильскіе писатели старались возвести въ русскую національную добродѣтель,—потому что не могъ же, въ самомъ дѣлѣ, мыслящій человѣкъ и гениальный поэтъ примириться съ окружающей его дѣйствительностью и добровольно подчиниться ея дикому складу; нѣтъ, это была только послѣдовательная смѣна прежняго отвлеченнаго, все отрицавшаго, протеста другими, болѣе реальными, стремленіями; это было желаніе подойти поближе къ русской жизни, отыскать въ ней положительныя стороны, общающія въ будущемъ перемѣну къ лучшему, уяснить самому себѣ путь, который могъ бы хоть нѣсколько приблизить общество къ осуществленію все того же завѣтнаго идеала, это была надежда на возможность воспользоваться существующими условіями жизни для того, чтобы дружною работою на поприщѣ просвѣщенія возвысить и облагородить эту жизнь. Наконецъ, съ точки зрѣнія чисто литературной, это было все болѣе и болѣе прояснявшееся сознаніе той великой истины, что русская литература тогда только можетъ сдѣлаться могучею образовательною силою, когда она утратитъ свой отвлеченный характеръ и посвятитъ себя правдивому и живому изображенію жизни національной и народной. Въ этомъ направленіи Пушкинъ началъ работать еще съ 1822 года, когда онъ набрасывалъ первые очерки «Онягина»—произведенія, глубокое жизненное и національное значеніе котораго было оцѣнено только долгое время спустя послѣ смерти поэта.

(Окончаніе слѣдуетъ).

П. Морозовъ